

В.С.Мартьянов, В.Н.Руденко
**МАГИЯ БЕЛОГО ПРОГРЕССОРА:
ОТ ГЛОБАЛЬНОГО КАРГОКУЛЬТА
К НОВОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НОРМАЛЬНОСТИ**

Виктор Сергеевич Мартьянов — кандидат политических наук, директор Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: martianovy@rambler.ru.

Виктор Николаевич Руденко — доктор юридических наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: rudenkovn@yandex.ru.

Аннотация. Ценностно-институциональное ядро, легитимировавшее историческое возвышение и глобальное доминирование Запада, все чаще становится объектом критики. Общему пересмотру подвергаются исходные координаты либерального консенсуса, обещавшего человечеству постоянный рост уровня жизни и возможностей благодаря универсальности моделей саморегулируемых рынков и либеральных демократий. Фоновые глобальные тенденции, в том числе в самих западных обществах, демонстрируют обратное — стагнацию или сокращение ресурсной базы основной части населения на фоне радикализации экономического неравенства, корпоративную игру на понижение стоимости труда (глобальная уберизация), формирование элитарных демократий ограниченного доступа, игнорирующих принципы равенства и интересы большинства. В результате ценности, практики и институты, ранее рассматривавшиеся как патологические отклонения, институциональные ловушки и архаика (отсталость), последовательно превращаются в новую глобальную нормальность. Соответственно, набирают вес теории, описывающие контуры глобального будущего преимущественно в нерыночных, а порой и в нелиберальных категориях. Эти теории фиксируют новые форматы распределения общественных ресурсов, в основе которых лежат не рынок и демократия, а рентные механизмы, перераспределительное политическое регулирование и дифференцированная ценность для государства разных социальных групп.

В статье высказывается точка зрения, что применительно к экономике формирующаяся новая нормальность связана с намечающимся консенсусом относительно права граждан на базовую политическую ренту или иные

формы дифференцированного доступа к ресурсам, способные обеспечить им достойное существование в условиях нарастающей неэффективности рыночных коммуникаций. В свою очередь, в политике новая нормальность предстает как потенциальный коммуитарный поворот, опирающийся на совокупность левых, националистических и популистских дискурсов, объединенных ресентиментной идеей возвращения распределяющему ресурсы государству ключевой роли в регулировании радикальных неравенств в интересах большинства.

Ключевые слова: мейнстрим, Запад, демократия, рынок, новая нормальность, равенство, безусловный базовый доход

**Пределы
экспансии Запада
и пересмотр
метафор
либерально-
рыночного
мейнстрима**

Любой социальный порядок одновременно является приемлемой (легитимной) для общества системой разнообразных неравенств и приоритетов. Эта система существует в виде связанных иерархий власти, экономики, культуры и т.д. Разница между современными и историческими порядками заключается лишь в чувствительности людей к различиям и неравенствам (имущественным, статусным, правовым, этническим, религиозным и т.д.), которые можно дифференцировать в рамках центр-периферийной модели. Устойчивый баланс неравенств воспроизводится в виде легитимирующих концептуальных представлений о справедливости указанных неравенств и их нормативной иерархии. Постоянные структурные изменения современного общества, легитимированные идеей прогресса, обнажают идеологический характер методологических и мировоззренческих установок, строящихся на презумпции окончательности и неизменности политического порядка. Например, позитивизм институционально поощряется как научный язык описания общества в интересах властных элит (все действительно разумно; научное знание беспристрастно; истины могут быть сведены к фактам; ученые не ангажированы и т.д.), в то время как восходящие классы продуцируют критику status quo и позитивистских тавтологий в форме всевозможных критических теорий¹. Ценностные координаты либерализма, воплощенного в политическом проекте Современности, постоянно усложняются в виде конфликтующих консервативных, социалистических и радикальных его вариаций, онтологически сопряженных с динамикой стратификации классовых обществ. Таким образом, в центре современных обществ оказывается перманентная настройка либерального консенсуса в соответствии с меняющимися доминирующими социальными группами, их жизненными целями, приоритетами и ресурсами, а также признаваемыми справедливыми способами распределения последних. Чувствительность ключевых социальных групп к тем или иным социальным, экономическим, культурным проблемам определяет нерв политических дискуссий и постоянно обновляемую конфигурацию неравенств и иерархий, лежащую в основе общественного согласия.

¹ Мартьянов 2003.

В настоящее время трансформацию либерального консенсуса в основании Современности в наибольшей степени задают: а) вызовы глобальному лидерству Запада со стороны незападных центров силы, а также противоречия внутри самих западных обществ; б) снижение нормы прибыли, лимиты экспансии и роста глобальных рынков; в) структурные технологические изменения (автоматизация, роботизация), ведущие к упадку ресурсно-распределительной модели общества труда. В связи с этим все более неубедительными становятся перспективы западного мейнстрима общественных наук, ориентированного на легитимацию нормативного социального порядка как рыночного, либерального и демократического. На текущий момент контуры будущего социально-политического и экономического устройства человечества онтологически определяются достижением пределов емкости глобальных рынков, долгосрочной стагнацией и нулевым ростом ВВП, сокращением потребности в массовом труде и новыми технологиями, последовательно исключаящими людей из технологических цепочек. Это иллюстрирует адекватность прогнозов Карла Маркса о необратимом падении нормы прибыли в ходе завершения мировой экспансии капитализма и повсеместной коммодификации (вовлечения в товарно-денежный обмен) жизненного мира человечества. Кроме того, в ближайшем будущем существенно изменится географическая структура производства глобального ВВП. Согласно консенсус-прогнозам, к 2050 г. доля США и ЕС в нем (по ППС) уменьшится до 10,5 и 10% соответственно (против 15,1 и 16,1% в 2019 г.), тогда как доля Китая вырастет до 36,1% (против 19,2%), а доля Индии — до 15,4% (против 8,1%)². Снижение относительной доли Запада в мировом ВВП неминуемо скажется на его военном, экономическом и идеологическом влиянии на другие регионы мира. Западные общества не смогут гарантировать мировой порядок вне широких коалиций. Фрагментация и диверсификация глобальной иерархии социумов, ценностей и ресурсов неизбежно поставят под вопрос сложившиеся международные политические иерархии, дадут толчок переделу рынков сбыта и производственных цепочек, а также пересмотру способов легитимации доступа различных обществ, классов и групп к имеющимся ресурсам.

² *Господарик 2020: 140.*

³ *Миланович 2017.*

⁴ *Пикетти 2015.*

Авторитетный дискурс западного мейнстрима до последнего времени отказывался замечать рост как классового, так и географического, межстранового неравенства современного мира³, закрывая глаза на то, что усиление имущественного расслоения, генерируемое политическим господством капитала, закономерный результат, а вовсе не отклонение от логики капитализма⁴. Привилегированное положение западных обществ как *коллективных буржуа* в капиталистической мир-системе идеологически оправдывалось как *норма*, достижимая всеми незападными обществами при механическом копировании западных институтов. Однако в условиях глобальной стагнации достигательная стратегия опоры на конкурентно-рыночные механизмы для повышения индивидуальных социальных траекторий становится для большинства

- человечества, в том числе в самих западных обществах, заведомо проигральной. Обещанный незападному миру экспорт либеральной демократии оборачивается упадком западной гегемонии, усугубляемым тем, что «политические теоретики нередко игнорируют тот факт, что дискуссии относительно подobaющего устройства политической жизни обычно зависят от реляционных тезисов, подразумевающих акторов, действия, легитимность и цели»⁵. Разрыв между глобальным корпоративным капитализмом, свободными рынками и демократией просматривается все более явственно, и это неудивительно, ведь исторически капитализм «развивался вне связи с демократией, а на основе унаследованной от феодализма правовой системы, защищавшей частную собственность, и в рамках политических моделей, по современным понятиям зверски авторитарных. Более того, капитализм, движущей силой развития которого является неравенство, противоречит демократии, власти большинства»⁶. Сравнительные межстрановые исследования не подтверждают наличия сильных связей между либеральной демократией, свободным рынком и экономическим ростом⁷. Некоторые авторы даже говорят о негативном влиянии демократии на экономический рост, поскольку демократии уязвимее перед давлением со стороны отдельных групп интересов и популистских требований, более конфликтны и не способны эффективно концентрировать ресурсы⁸. Показательно, что практически для всех постсоветских режимов характерна высокая корреляция между экономическим ростом и свертыванием демократии⁹. То же самое относится и ко многим странам Азии¹⁰. Нарастающие в мире олигархические тенденции в политике и олигопольные — в экономике требуют критического пересмотра неолиберального мейнстрима, чья убедительность строилась на утверждениях о безальтернативном движении современных обществ к демократии и расширению ее ресурсной базы в виде саморегулируемых автономных рынков.
- В предельном обобщении проблему регулятивных (институциональных) и ценностных (идеологических) ограничений рынка можно сформулировать следующим образом: если конкурентный рынок исторически является наиболее эффективным, справедливым и универсальным типом социальных коммуникаций, то почему он до сих пор не вытеснил все иные типы таких коммуникаций и не охватил все сферы жизнедеятельности общества, включая семью, фирмы и государство? Отвечая на этот вопрос, лауреат Нобелевской премии по экономике Рональд Коуз еще в 1930-е годы показал, что рынок эффективен не абсолютно, а лишь в определенных пределах (как среда взаимодействия между фирмами) и при обязательном наличии внешних для него внеэкономических правил и гарантий. Многие формы человеческой коллективности — от семьи до государства — в долгосрочной перспективе выгоднее регулировать с помощью нерыночных оснований, опирающихся на родство, дружбу, солидарность, авторитет и т.д.¹¹ Аналогичной позиции придерживается и другой нобелевский лауреат Пол Кругман, утверждающий, что в современных обществах политическое регулирование продолжает играть
- ⁵ Шапиро 2011: 267.
- ⁶ Караганов 2019.
- ⁷ Doucouliagos and Ulubaşoğlu 2008.
- ⁸ Przeworski et al. 2000.
- ⁹ Hanson 2017.
- ¹⁰ Huang and Ho 2017.
- ¹¹ Коуз 2007.

стратегическую роль в социальной стратификации, то есть в определении места конкретных граждан в общественной иерархии. Рассматривая целенаправленную политику по снижению экономического неравенства и созданию среднего класса в рамках Нового курса Франклина Делано Рузвельта, Кругман прямо пишет, что «институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы — гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономики»¹². Политическое акцентирование и идеализация неолиберальным мейнстримом частного предпринимательства затушевывают то обстоятельство, что ключевые успехи рыночных игроков часто бывают лишь следствием реализации государственных планов и стратегий или даже присвоением их результатов. Как справедливо замечает Марианна Маццукато, «главная проблема в том, что все только и говорят о частном предпринимательстве, и это единственная история, которую обычно рассказывают, а государственное предпринимательство, как правило, не упоминается. Возникновение Кремниевой долины и индустрии биотехнологий обычно связывают с гениями, стоящими за маленькими высокотехнологичными компаниями вроде Facebook, или с множеством крошечных биотехнологических компаний в Бостоне (США) или Кембридже (Великобритания)... Но многие ли знают... что алгоритм, который привел Google к успеху, был разработан на средства гранта Национального научного фонда США (National Science Foundation)? Или что молекулярные антитела, заложившие основу для развития биотехнологий еще до того, как в сектор пришел венчурный капитал, были открыты в лабораториях государственного Совета по медицинским исследованиям (Medical Research Council — MRC) Великобритании? Сколько экспертов отдадут себе отчет в том, что многие молодые фирмы из числа самых инновационных в США финансировались не частным венчурным капиталом, а государственным?.. В сектор биотехнологий, нанотехнологий, информационных технологий (интернет) венчурный капитал вошел через 15—20 лет *после того*, как самые важные инвестиции были уже сделаны государственными фондами»¹³.

¹² Кругман 2009: 14.

¹³ Маццукато 2021: 31—33.

Еще более радикальное неприятие базовой метафоры *справедливого и равновесного рынка*, некритично экстраполируемой во все сферы жизни общества, демонстрируют представители левой политической мысли. Так, Самир Амин утверждает, что идеология свободного рынка легко превращается в политический сервис по легитимации интересов глобальной олигархии, тогда как «в реально существующем капитализме классовая борьба, политика, государство и логика накопления капитала неразделимы. Следовательно, капитализм по своей природе является таким порядком, в котором последовательные состояния неустойчивости обуславливаются социальными и политическими противоречиями, находящимися за пределами рынка»¹⁴.

¹⁴ Амин 2007: 17—18.

Исторически масштабирование европейского капитализма легитимировалось идеей прогресса как расширения на весь мир, в ходе

которого европейский центр должен исполнить цивилизующую миссию в отношении остального человечества. В позднем (глобальном) капитализме происходит подмена цивилизаторской (прогрессорской) капиталистической экспансии в ее географическом, культурном и социальном измерениях более мягкой и политкорректной версией, нашедшей выражение в теориях модернизации и транзита. Однако, имея в своем основании все ту же метафору справедливости саморегулируемого и равновесного рынка (в политике его аналог — конкурентная демократия), такие теории не решают проблему дефицита сильных внеэкономических социальных целей, смыслов и регуляторов, способных воспроизводить и легитимировать политические сообщества в виде гражданских наций-государств, по сути представляя собой попытку убрать из политики классовое содержание, оставив лишь экономический детерминизм как идеал автономного саморегулирования и равновесия, работающих по умолчанию в интересах бенефициаров капиталистической миросистемы.

Дискурсы транзита и модернизации, предназначавшиеся западному миру, были значимой составляющей западного мейнстрима. По принципу от противного они должны были выявлять несовершенство незападных обществ и показывать достоинства западных в качестве идеала/образца. В их интеллектуальном фундаменте продолжает господствовать хорошо замаскированный колониализм, подкрепленный расовыми теориями ориентализма и антропологии, предназначенными для изучения исключительно незападных обществ¹⁵. Однако если исходный колониализм киплингговского типа предполагал, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток» и иерархическая разница между ними останется навечно, то крушение колониальной системы внесло в этот дискурс превосходства существенные коррективы. Концепции транзита и модернизации стали допускать историческую возможность достижения незападными обществами того же уровня развития, что и западные, если те будут взяты за образец и институционально скопированы. И когда многие западные общества довольно быстро добились мирового влияния (военного, экономического, культурного), эвристический и легитимационный потенциал этих концепций оказался исторически исчерпан, тем более что немалая часть таких обществ достигла серьезных успехов вопреки им¹⁶. Это нанесло ощутимый удар по западному мейнстриму, лишив его защитного слоя транзитологических теорий, востребованность которых в западном мире объективно пошла на спад. В результате западные общества потеряли свойства *идеальности*, встав в ряд других обществ глобального мира, испытывающих те же внутренние проблемы, угрозы и вызовы и больше не имеющих каких-либо явных ценностно-институциональных преимуществ, помогающих с ними справиться. В итоге Запад как идеальное общество все чаще становится не более чем особым примером, который все сложнее перенести на мир в целом. Да и сама идея подобного переноса утрачивает актуальность¹⁷.

¹⁵ Валлерстайн 2016: 309—320.

¹⁶ Чанг 2015: 32—76.

¹⁷ Burawoy 2001.

В новой ситуации *общества без экономического роста* переосмысливается роль рынка в обеспечении последнего, которая de facto стремится к нулю. Неизбежна и скептическая переоценка эффективности внешних рынков и экспортно-импортных операций как драйверов экономического роста. В частности, Тайлер Коуэн говорит о погружении американской экономики последних десятилетий в великую стагнацию. По его заключению, легкодоступные факторы экономического роста (дешевый труд, непритязательные иммигранты, неосвоенные залежи полезных ископаемых и территории, революционные технологии и т.д.) давно исчерпаны, а наблюдаемый рост основан на надувании искусственных инвестиционных пузырей, которые все чаще схлопываются с катастрофическими последствиями для широких масс населения. Дальнейший реальный рост требует все больших инвестиций в образование, медицину, науку, новые технологии, экологию, которые обнуляют потенциальную доходность будущих вложений¹⁸. В условиях стабильности/стагнации как новой *экономической нормальности* зависимость отдельных государств от глобальных рынков и их политико-силового регулирования негативно влияет на любую национальную экономику, не входящую в избранный пул регулирующих политических сообществ или глобальных рантье. Долгосрочные прогнозы, основанные на росте ВВП, превращаются в многосерийную маниловщину. Весьма показателен в этом плане прогноз, опубликованный в 2008 г. Министерством экономического развития РФ, «по которому в 2020 г. средняя зарплата россиян должна была достичь \$2700 в месяц (175 тыс. рублей), семья из трех человек жить в квартире или доме площадью от 100 кв. м, средний класс — составлять половину населения»¹⁹. Аналогичным качеством и реалистичностью обладают официальные отечественные прогнозы и концепции развития на 2030-й и последующие годы.

¹⁸ Cowen 2011.

¹⁹ Иноземцев 2019.

Вместе с тем присутствует и оптимистическая позиция. Согласно логике ее сторонников, «технологический прогресс высвобождает ресурсы, создавая тем самым возможности для удовлетворения потребностей, заняться которыми раньше люди просто физически не могли себе позволить. Но неудовлетворенное желание одного человека есть потенциальное рабочее место для другого человека. А это значит, что пока какие-то потребности людей будут оставаться неудовлетворенными, не будет недостатка и в рабочих местах. Тотальная замена людей машинами представима только в ситуации полного насыщения всех человеческих потребностей, т.е. в воображаемом мире... Но, как писал еще Адам Смит, если стремление к пище имеет своим пределом вместимость желудка, то страсть к разнообразию не имеет пределов»²⁰. Подобную ссылку на бесконечное расширение потребностей необходимо, однако, оценивать в контексте давней дискуссии о неограниченном технологическом прогрессе, с одной стороны, и ресурсных пределах роста, заданных планетой Земля, — с другой. За исключением последнего столетия человечество существовало главным образом в режиме выживания, когда

²⁰ Капелюшников 2017: 135.

²¹ Мэддисон 2012.

численность популяции регулировалась преимущественно голодом, эпидемиями и войнами, а рост массовых потребностей был скорее утопией. Так, основываясь на большом массиве исторической статистики, Ангус Мэддисон демонстрирует, что с Античности и вплоть до начала XIX в. заметного роста подушевого ВВП не знала в том числе и Европа²¹. Сам спрос на новых людей с их неизмеримо разнообразными и множасьими потребностями не является экономической константой, если эти люди не в состоянии предложить что-то полезное взамен, а именно так обстоит дело с большинством в условиях упадка общества труда. Непонятно, кто/что даст новые ресурсы для удовлетворения растущих и даже еще не придуманных потребностей населения, которое постепенно вытесняется из технологических цепочек. Новые технологии высвобождают ресурс времени, но это не означает, что люди смогут успешно обменять свое свободное время на другие ресурсы/блага, особенно учитывая всеобщую инфляцию свободного времени. Таким образом, аргументы о временных трудностях капитализма, о неизбежном росте доступных ресурсов, потребностей и прорывных технологий становятся все менее убедительными на фоне наблюдаемой глобальной стагнации. В результате вместо легитимации экспансии Запада как некоей *универсальной политической механики* (финального набора институтов для конца истории в виде либеральных демократий) западный мейнстрим все чаще вынужден прибегать к оборонительной тактике, направленной на моральную дискредитацию усиливающихся альтернатив такому развитию событий как на уровне принципов социально-политического и экономического устройства общества, так и на уровне легитимирующих теорий.

**Оправдание
мейнстрима:
варварство,
сбои, отсталость
и институциональные
ловушки**

²² Каснэ 2007.

Чтобы оправдать провал прежних обещаний и растущие издержки большинства населения от саморегулируемых рынков, элитарной демократии и неолиберальной риторики, обосновывающей рост неравенства, мейнстриму приходится прибегать к конструированию бинарных оппозиций, выстроенных в контрастных моральных категориях добра и зла, рая и ада, праведности и греха. Очевидно, что все эти мыслительные оппозиции сакрального/земного, трансцендентного/имманентного, высшего/низшего имеют более долгую историю, чем сам мейнстрим. Еще до современных нормативных делений на демократию и тоталитаризм, конкуренцию и монополию, рынок и командную экономику Запад (наследующий Римской империи) активно задействовал риторику христианского мира, противостоящего варварам²². Первоначально оппозиция варварства и цивилизации была статичной, постулируя непреодолимые различия между обществами, которые можно было исправить лишь крестовыми походами и обращением язычников в христианство. Современность принесла с собой *идею истории*, которая стала осмысляться как динамический прогресс или процесс цивилизовывания человечества, как неодновременный переход от варварства

к цивилизации. И здесь всеобщая возможность цивилизации использовалась для оправдания прогрессорства как *исторической миссии белого человека*. Однако последующее растождествление цивилизации с Европой/Западом заставило пересмотреть сложившиеся представления о влиянии культурных факторов на развитие общества. Вслед за признанием существования разных культур, цивилизаций, традиций закономерно была легитимирована и мысль о возможности вариаций Современности. Впрочем, и сегодня периодически предлагаются популистские консервативные рецепты возвращения к прежним христианским ценностям и звучат разговоры о том, что именно отход от них и стал причиной потери Западом его былого могущества²³.

²³ Бьюкенен 2003.

Глобальное распространение рыночных типов обмена ресурсами и ценностей либерализма привело к необходимости рассматривать каждое общество не только сквозь призму конкретной культуры или цивилизации, но и в глобальной перспективе — как часть человечества, на которую распространяются те же общественные закономерности, что и на другие его части. Рост межрегиональных связей, повышение плотности, эффективности и значимых последствий глобальных коммуникаций нивелируют для каждого конкретного общества цивилизационную логику отличий. Поэтому общественные науки, с момента своего институционального возникновения в XIX в. нацеленные на выявление закономерностей функционирования социума в условиях формирования наций, территориальных государств и транснациональных рынков, были вынуждены отказаться от бинарного философско-культурологического кода «варварство/цивилизация» в пользу более релевантной модели «традиционное/современное». Европейская *норма* как привилегированный член соответствующей оппозиции со временем превратилась лишь в европейскую *специфику* трансформаций позднего, или глобального, Модерна, нечувствительную к приоритетам любых предшествовавших цивилизационных отличий²⁴. Идеи истории, национального суверенитета и постоянных изменений (прогресса) легли в основу общественных наук: «сильная национальная идентичность служила легитимации государств и жесткому ограничению для обоснования альтернативных и потенциально оппозиционных лояльностей — классу, религии, этносу или языковому сообществу. Однако для безотказного функционирования и в особенности для предупреждения антилиберального давления опасных классов либеральным государствам требовалось понять текущую реальность настоящего. Именно в этом заключалась роль трех номотетических социальных дисциплин: экономики, социологии и политической науки <...> Именно из... теоретического различения трех сфер [рынка, государства и гражданского общества], которые, предположительно, обособились в результате перехода к Модерну, университеты вывели три дисциплины: экономику для изучения рынка, политическую науку для изучения государства и социологию для изучения гражданского общества»²⁵.

²⁴ Мартьянов 2010.

²⁵ Валлерстайн 2016: 284—285.

Однако нерелексированный родовый изъян общественных наук состоит в том, что они остались западноцентричными, воспроизводя неизменные архетипические сюжеты и мифические нарративы, на преодоление которых претендовали от имени беспристрастной научной истины. В мейнстриме Запад по-прежнему выступает ключевым героем *сказки о современности*: вооруженный прогрессом, рынком и демократией, он совершает чудеса преображения (излечения и пробуждения) всех остальных, *больных* обществ, пребывающих в летаргическом сне, навеянном его злыми антагонистами (тиранами, диктаторами, авторитарными, варварами и т.д.) с помощью социальной магии в виде бюрократии, тоталитаризма, планово-государственной экономики, коррупции, идеологической монополии и т.д. В общем, всего того, благодаря чему Китай за 20 лет превратился в новую сверхдержаву, полностью сломав привычный морализаторский сюжет.

Цели и способы легитимации доминирующих моральных и институциональных иерархий в общественных науках наглядно раскрывает такая популярная метафора, как *институциональная ловушка* (в других интерпретациях — зависимость от предшествующего развития, культурная традиция).

Во-первых, метафора институциональной ловушки тесно связана со смежными метафорами *травмы* и *исторической колеи*, от которых страдают соответствующие общества. Во-вторых, она подразумевает фиксацию некоего несовершенства, которое необходимо преодолеть по уже имеющимся образцам и лекалам. Ловушка интерпретируется как отклонение (отсталость) от прогресса/развития на уровне институтов, практик и норм, а не привязанных в дискурсе мейнстрима к рынку, демократии, конкуренции, капитализму и т.д. В-третьих, она предполагает фигуру морального авторитета (прогрессора), оценивающего текущее состояние общества, экономики, политики, конкретного института именно как *ловушку*, а находящихся в ней — как отстающих, заблуждающихся, которых необходимо просветить, направить и воспитать. В-четвертых, она устойчиво коррелирует с конспирологическим дискурсом, поскольку наличие ловушки *de facto* указывает на присутствие *ловца* (бенефициара). Между тем, как справедливо замечает Андрей Верников, эта яркая метафора является лишь умножением понятий, лишенном смысловой необходимости, ибо суть дела скорее даже прояснится, если «вместо пресловутой „ловушки“ сказать: препятствие, неэффективность, недостаток, несовершенство, изъян, несогласованность, трудность и т.д.»²⁶.

²⁶ Верников
2020: 32.

В результате институциональная ловушка становится оценочным (идеологическим) суждением, к которому прибегают субъекты мейнстрима, дабы побудить своих сторонников, сателлитов и вассалов действовать выгодным для себя образом, независимо от того, соответствует ли это их реальным интересам. Отказ от идеологических координат мейнстрима в пользу собственной субъектности означает несогласие оценивать свое положение как ловушку, а тем более пытаться из нее

выбраться, следуя формальным предписаниям мейнстрима. Ведь истинной ловушкой может оказаться как раз попытка выхода из нее. Для периферийных обществ миросистемы следование типовым институциональным рецептам и рекомендациям внешних субъектов нередко оборачивается консервацией отсталости в ходе бессмысленных реформ ради реформ. Их польза заведомо сомнительна, так как вменяемые в обязанность изменения чаще продиктованы не внутренними потребностями общества, но встраиванием экономики в технологические цепочки с низкой добавленной стоимостью, копированием формально-процедурных признаков «хорошего правления» и «правильных» институтов. Не случайно в основе большинства случаев стремительного экономического взлета незападных стран (СССР, Япония, Южная Корея, Китай, Сингапур и т.д.) лежало не воспроизводство принципов западного экономического мейнстрима, а творческое использование ресурсов государственного регулирования и *преимуществ отсталости*, которые описывались либерально-рыночным мейнстримом как ловушки. Отсталые общества отказывались от своих *сравнительных* или *естественных* «козырей», консервировавших их зависимость и периферийность, и выходили на конкурентный уровень в технологических областях, где от них этого не ожидали²⁷.

²⁷ Чанг 2018.

Будучи, по сути, частью конспирологического нарратива, метафора ловушки часто бессильна что-либо объяснить, но незаменима для поддержания мейнстримных ценностно-институциональных иерархий, символов веры и идеологических стигм в глазах тех, чья вера в мейнстрим еще не поколеблена. Очевидно увеличение в мире количества успешных обществ с растущей экономикой и легитимным для большинства граждан политическим порядком, которые мейнстрим и аффилированные с западными центрами влияния экспертные организации не квалифицируют как демократические и рыночные. В то же время растет число рыночных демократий, где наблюдается экономическая стагнация, углубление неравенства и внутренней конфликтности. Типичным примером являются США, где покупательная способность средней оплаты труда не повышается с 1970-х годов, экономика в условиях пандемии поддерживается невозвратным ростом внутреннего долга, исчисляемого триллионами долларов, а демократия сводится к конкуренции давно сложившихся элитных кланов на всех уровнях управления. Все это ведет к сущностному оспариванию понятий и оснований мейнстримных классификаций, в которых цели легитимации конкретно-исторических и далеких от универсальности интересов начинают заметно перевешивать исследовательские задачи, связанные с познанием закономерностей развития современных обществ²⁸. Между тем решение этих задач обнаруживает, что современные общества, описывающие и легитимирующие себя в качестве рыночных и демократических, *de facto* имеют не намного больше оснований именоваться таковыми, чем все остальные. Ведь в экономиках западных обществ центральная регулятивная роль, как правило,

²⁸ Урбинати 2016.

принадлежит государству, контролирующему 40—50 и более процентов инвестиций и расходов национальных ВВП, а шumpетерианские демократии открывают для большинства лишь доступ к эпизодическим ритуалам политической легитимации элит, далеким от исходного понимания демократии как прямого и постоянного участия граждан в выработке общественно значимых решений. В этих условиях общества, занимающие нижние строчки во всевозможных рейтингах свободы, демократии и рынка, парадоксальным образом могут продемонстрировать: а) господство не обремененной социальными обязательствами конкурентной рыночной экономики *в чистом виде*; б) *реальную демократию*, которую граждане отстаивают в различного рода конфликтах и гражданских войнах, зачастую с оружием в руках и с риском для жизни. Подобный способ существования демократий и рынков кардинально отличается от благодатных описаний в учебниках, а сами эти демократии и рынки имеют лишь отдаленное отношение к их призракам в нынешнем западном мире.

Кризис мейнстрима способствует умножению альтернативных концептуальных описаний и содержательной переоценке наблюдаемых социальных порядков. Противоречивые и несовершенные принципы и порядки, квалифицируемые мейнстримом как архаичные, примитивные, варварские, в своей социокультурной реальности могут оказаться эффективнее прогрессивных институтов. Более того, со временем может выясниться, что последние не столь уж совершенны и устойчивы. Они могут начать уступать место всему тому, что ранее описывалось как архаичное и отсталое, меняя местами норму и отклонения от нее. Причем в число отклонений применительно к долгосрочным закономерностям человеческой истории может попасть и 200-летний период глобального возвышения Запада, осененный риторикой либерализма, демократии и рынка. *Конец истории* казался необратимым, пока не исчерпал ресурсную базу экспансии Запада, что открыло дорогу альтернативным механизмам поддержания социального порядка.

Проблема в том, что назревшие изменения траектории и приоритетов развития, институтов и ценностей возможны далеко не всегда²⁹. Для этого необходимо *окно возможностей*. Его главной предпосылкой, как правило, бывает слом имеющегося социального порядка, исчерпавшего ресурсы дальнейшего развития и готового подчиниться альтернативным правилам воспроизводства. И сейчас уязвимым социальным порядком все чаще становятся сами либерально-рыночные демократии. При критическом рассмотрении они обнаруживают массу противоречий между риторикой элит и коллективными возможностями, а также реальное ядро властесобственности, скрытое под оболочкой формальных и второстепенных рыночно-демократических процедур и механизмов. Рынок никогда не был историческим глобальным *приливом, поднимающим все лодки*, перераспределяя ресурсы в пользу постоянно сокращающихся меньшинств. Демократия как коллективные практики принятия решений в интересах большинства

²⁹ Нуреев и Латов 2006.

или ключевых социальных групп тоже повсеместно перестает работать, что позволяет вести речь о ее дисфункциональности как неспособности «приносить народу (понимаемому как массовые непривилегированные слои) какие-либо экономические, социальные или культурные блага, способные улучшить его положение, облегчить бремя эксплуатации или защитить от определенных форм угнетения... [Это означает] разведение демократии со справедливостью и утрату ею того эгалитаристского измерения, в котором (или благодаря которому) она служила развитию „социальных прав“ и, говоря шире, равенства»³⁰. При этом идеологические предпочтения и ресурсные интересы элит, корпораций и привилегированных социальных групп распространяются неолиберальным мейнстримом на все общество, что является классической социологической ошибкой саморепрезентации и ведет к отрыву ценностных перспектив властных меньшинств от жизненного мира большинства.

³⁰ Капустин
2012: 37.

В контексте расхождения ценностей демократии и наблюдаемых способов их реализации глубоко противоречивыми оказываются все рыночно-демократические порядки, легитимируемые равенством возможностей и заботой о большинстве. В результате кризиса выравнивающих механизмов, связанных с демократией и социальным государством и нацеленных на перераспределение ресурсов в пользу большинства, назревает революционная ситуация: «там, где экономический рост настолько неравномерен, что бедные слои и даже средние классы все больше отстают, в то время как небольшая группа быстро богатеет, или там, где экономический рост настолько зависит от иностранных инвестиций, что выгоден главным образом иностранным инвесторам и их партнерам... экономические преобразования будут повсеместно восприниматься как несправедливые, породят недовольство населения и приводить к отчуждению элит и их расколу»³¹.

³¹ Голдстоун 2017:
43—44.

**После магии
белого человека:
контуры
новой
социальной
онтологии**

«Плоский мир» эпохи конца истории и всеобщего конкурентного равенства в рынке, возглавляемый передовым отрядом либеральных демократий, стремительно становится тем, чем он, собственно, никогда не переставал быть: совокупностью принципиально сходных между собой *естественных государств*, где преобладает политико-бюрократический контроль территориальных образований, обладающих суверенитетом, собирающих налоги и выполняющих судебно-карательные функции. Общая глобальная тенденция состоит в усилении механизмов распределения ресурсов и сокращении ресурсного потенциала рыночных коммуникаций вкупе с девальвацией ресурсов *людей труда*. Соответственно, можно прогнозировать, что статусная, рентно-сословная стратификация будет вытеснять привычную для мейнстрима модель, в которой ключевую легитимирующую роль играли капитализм, конкурентный рынок и либеральная демократия, помноженные на гегемонию Запада. Все эти составляющие все менее

значимы в новой социальной онтологии, а следовательно, мейнстрим все хуже отражает изменившуюся Современность.

Нераздельная властесобственность образует ядро институциональной организации *всех* современных обществ. Речь не идет о российской или какой-либо иной специфике; при достаточно глубоком взгляде на механизмы передачи власти, ее распределения и реального принятия общественно значимых решений в современных обществах в сравнительной перспективе морализации по поводу «недостойного правления» утрачивают свою убедительность. В обществах, именуемых рыночными, политические правила диктуют крупные собственники (семейные кланы, корпорации, ТНК). В свою очередь, в обществах, которым в таком наименовании отказано (авторитарных, неопатримониальных, нефеодалных, непотистских, сословных и прочих *дефектных*), именно власть зачастую (хотя не всегда) выступает условием контроля над собственностью. Приоритет власти или собственности при принятии общественно значимых решений не порождает качественных различий между современными обществами, чьим всеобщим фундаментом остается властесобственность. В классической труде Чарльза Райта Миллса «Властвующая элита» убедительно показано, как легко в США власть перетекает в собственность и наоборот, что обесмысливает любые разговоры об их автономии друг от друга³². Если и можно говорить о чьей-либо автономии, то лишь применительно к субъектам (элитам), которые в действительности контролируют и власть, и крупную собственность во всех современных обществах. Другое дело, что западный мейнстрим руководствуется исключительно инструментальной логикой (например, формальным соблюдением процедур принятия политических решений, связанных с моделью представительной демократии, с конкуренцией сторон в суде, на рынке и на выборах). Однако соблюдение формально демократических правил игры вовсе не гарантирует ни автономии собственности и власти, ни реального представительства интересов большинства.

³² Миллс 2007. Напомним, что первое (оригинальное) издание этой замечательной книги вышло еще в 1956 г.

Недемократические и нерыночные режимы часто критикуют за то, что господство бюрократии не дает развернуться независимому от государства бизнесу, который нуждается в гарантиях частной собственности. Между тем возможно и обратное — когда принятие политических решений зависит от крупного бизнеса, диктующего приоритеты формирования бюджета. В институциональном и процедурном отношении корпоративный лоббизм может быть обставлен более чем демократично, входя при этом в реальное противоречие с интересами большинства граждан. И при доминировании бюрократии, и при доминировании крупных собственников политическую и экономическую логику принятия решений определяют элиты, контролирующие властесобственность: «Вы можете голосовать за кого угодно: за белых, синих, зеленых, розовых или красных. В любом случае эффект будет нулевым. Ваша судьба решается в другом месте, за пределами парламента — на рынке. Подчиненность демократии рынку (а не их сближение) отражается

³³ Амин 2007: 66.

и в политическом жаргоне. Ротация тех, кто заседает в правительстве (но не тех, кто правит на самом деле), обязанных всегда делать одно и то же, то есть повиноваться рынку, заменила ясный выбор между различными социальными вариантами и перспективами»³³.

³⁴ Валлерстайн 2004: 174.

В условиях, когда чисто рыночные механизмы перестали давать желаемый эффект на фоне роста конкуренции, пределы глобального рынка закономерно подталкивают доминирующих акторов к политическому пересмотру механизмов контроля над собственностью и контролируемых долей рынка. И здесь обнаруживается, что производная от собственности рента никуда не исчезла, по-прежнему занимая центральное место в экономике капитализма и в плане конечной мотивации рыночных субъектов, и как способ капитализации/распределения ресурсов. Рыночная (особенно либертарианская) политэкономия приложила немало усилий, чтобы доказать несправедливость ренты аристократов-землевладельцев в контексте морали труда и капитала как основы конкурентного рынка. Объявленная архаичной в моральном отношении и недостойной ввиду своего нетрудового и неконкурентного характера, эта рента была дифференцирована от ренты с капитала (в форме процента), составившей фундамент экономического порядка капитализма. Но, несмотря на все рассуждения о прогрессивном конкурентном основании прибыли, о рисках и опасностях, с которыми сталкиваются в процессе ее получения вооруженные протестантской этикой буржуа-предприниматели, а также о благах, которые обретают трудящиеся в качестве свободных наемных работников (в противовес закрепощенным крестьянам), рентные механизмы приращения капитала доминируют в мировой экономике. Это доходы, которые «возникают из управления некоей конкретной пространственно-временной реальностью, которая ни в каком смысле не может быть описана как создание ее собственника или как результат его личного труда (даже его предпринимательской деятельности)»³⁴.

В настоящее время рентно-сословные типы обменов и ресурсного регулирования все увереннее образуют сердцевину социального порядка современных обществ. Рыночные коммуникации как форма ресурсных обменов, которая ассоциировалась с Современностью и рассматривалась как вытесняющая обмены архаические (дистрибутивные и реципрокные), все чаще демонстрируют свою неспособность обеспечить достойные перспективы для большинства людей. Долгосрочные тенденции ослабляют политические и экономические *символы веры* (демократия, рынок, бесконечный рост, расширение индивидуальных возможностей и т.д.) глобального порядка, не приносящие большинству стран и социальных слоев миросистемы обещанного прироста доступных ресурсов, и подтачивают релевантность его нормативных описаний.

Происходит общее переосмысление базовой темпоральной дихотомии Средневековье/Современность, в рамках которой последняя как привилегированный член бинарной оппозиции наделялась исключительно положительными качествами, символизируя всеобщие

и необратимые дары прогресса. При более тщательном анализе любое современное общество обнаруживает признаки эффективного существования дистрибутивных и реципрокных общественных институтов и отношений, господствовавших до наступления Модерна. Либерально/рыночно/демократические метафоры и научные понятия, образующие обществоведческий мейнстрим, все чаще оказываются описаниями лишь внешнего, защитного слоя трансформирующегося социального порядка. Связанные с моделью рыночных обменов институты и коллективные практики все хуже привлекают дополнительные ресурсы и не обеспечивают легитимирующий этот порядок экономический рост как базовую норму. Соответственно, рыночные формы активности в экономике и политике уже не могут эффективно выполнять функции нормативного описания и легитимации современного общества. Обновление концептуального аппарата западного мейнстрима идет по паллиативному принципу, путем добавления разнообразных прилагательных к основным понятиям, использования вспомогательных метафор и всевозможных экспертных рейтингов при сохранении ключевых идеологических смыслов. Наглядным примером здесь может служить метафора *мягкой* (или *умной*) *силы*, призванная сгладить в культурном поле капитала постепенное снижение военно-экономического влияния западных гегемонов (США, ЕС) в сравнении с незападными центрами силы (Китай, Индия, Бразилия, Турция и др.).

В результате мейнстримные описания все сильнее расходятся с реальными практиками производства и распределения ресурсов, тяготеющими в условиях околонулевого роста ВВП к дистрибутивным системам, где каждый гражданин имеет свою долю ресурса, зависящую от его места в общественной иерархии и общественной полезности, критерии которой тоже претерпевают серьезные трансформации, связанные с падением военной, трудовой, предпринимательской, демографической и гражданской ценности большинства членов национальных политических сообществ³⁵.

³⁵ Фишман 2016.

Ключевой проблемой в подобной методологической перспективе становится согласование интересов *рыночных классов* и *государственных сословий* в контексте меняющихся политических правил распределения общественных ресурсов. Распад либерально-рыночно-демократической модели легитимации общественных отношений может стать не переходным, а довольно устойчивым состоянием, при котором рыночные и бюджетные (государственные) социальные группы будут отстаивать собственную идеологическую репрезентацию общественной полезности, позволяющую закрепить право на определенную долю ресурсов. Во избежание двойных стандартов и их избирательного применения это порождает необходимость «достроить и идеологически легализовать сословную систему и отделить структурно и функционально-политически рыночные компоненты нашей государственности от сословно-ресурсных. Только легализация сословности сможет ограничить

³⁶ Кордонский 2008: 130.

и цивилизовать ресурсные аппетиты многочисленных членов служилых сословий и ввести в рамки сословных правил поведения (морали) нормы изъятия сословной ренты»³⁶.

Статусное право на ренту как конфигурация преимуществ, обусловленных принадлежностью к определенному сословию, зачастую гораздо точнее описывает реальность нынешних политико-экономических порядков и принципы их стратификации, чем идеологическое конструирование рынка и демократии, а также рабочего, среднего, креативного, предпринимательского и иных социальных классов, которые рассматриваются в качестве обязательных социальных феноменов, подтверждающих нашу принадлежность к Современности как обобщающей норме, лежащей в основании легитимности всего общественно-политического порядка.

Вместе с тем слабость политической субъектности бюджетных сословий и корпоративных социальных групп выражается в том, что в сфере политики начинают доминировать локальные и релятивные логики ресурсного передела. Это адаптивные рентоориентированные стратегии, призванные компенсировать издержки структурных конфликтов распадающейся рыночной модели капитализма и соответствующего ей общества труда. Подобная гибкость и фрагментарность коллективных политических субъектов обусловлена общим ослаблением универсальных современных ценностей и размыванием солидарности экономического класса людей труда, на месте которого возникают разнообразные прекариатные меньшинства.

Заключение

³⁷ Skidelsky 2019.

Магия *белого человека* подходит к концу истории, ставшему в реальности лишь финалом безраздельного западного доминирования³⁷. Эта магия растворяется в новых историях успеха Незапада. Вместе с экономической, военной и технологической мощью Запада ослабевает идеологическая картина мира, чьи универсальные цели, ценности и институты внезапно обнаруживают свою условность и сконструированность на фоне альтернативных моделей общественного устройства. Глобальное изменение социальной онтологии, структуры экономического воспроизводства и легитимирующих оснований политического порядка подтачивает убедительность (функция легитимации) и релевантность (функция истинности) концепций, опирающихся на аксиоматику рыночных ценностей, универсальной рациональности и иерархии предпочтений, а также на либеральную риторику. Как справедливо отмечает Леонид Фишман, «важным фактором глобальной трансформации становится резкая „уценка“ демократии, рынка и капитализма, которые большинству граждан уже ничего не дают в плане возможностей влияния на свою судьбу. Причем в иерархии потребностей у этого большинства на базовых уровнях остаются, как и ранее, хлеб, зрелища, удобства и комфорт. И если некое современное недемократическое и нерыночное общество эти базовые

³⁸ Фишман 2021.

³⁹ Novokmet,
Piketty, and
Zucman 2017.

⁴⁰ Фишман,
Мартьянов
и Давыдов 2019.

потребности обеспечивает, то отличия в организации его социально-политического интерфейса, описываемые мейнстримом как „важные“ и чуть ли не „судьбоносные“, отходят на периферию и становятся мало кому интересными³⁸. Все чаще дают сбои системные ценности, институты и субъекты, призванные сдерживать рост экономического неравенства, нормализуемый в идеологических координатах неолиберального мейнстрима. Это создает угрозу устойчивости подобной нормативной социальной структуры³⁹.

Глобальная ситуация перераспределения центров силы и ресурсных оснований существования современных обществ гораздо сложнее, чем поверхностные морализации по поводу достойного или недостойного правления. Более того, никакие попытки морально-иерархической дифференциации не обнаруживают тех принципиальных, качественных различий между демократическими и прочими современными обществами, которые приписывал им западный мейнстрим. Всем современным обществам присущи общие фоновые тенденции к росту государственного регулирования, неравенства (набора преимуществ отдельных социальных групп) и иммунитета элит к запросам большинства. Интеллектуальные попытки вернуть релевантность западному мейнстриму с помощью конструирования локальных утопий (плоский мир, креативный класс, экономика знаний и т.д.) и введения дополняющих концепций гражданского ремонта (Джеффри Александер), социокультурной травмы (Петр Штомпка), недостойного правления, зависимости от предшествующего развития или колеи (Николай Розов) не спасают от концептуальных натяжек. Становление общества без ощутимого экономического роста на фоне падения военно-экономической роли большинства и сокращения потребности в массовом труде ведет к трансформации мейнстрима. Набирают вес альтернативные и немейнстримные теории, описывающие контуры глобального будущего преимущественно в нерыночных и некапиталистических, а порой и нелиберальных категориях. Эти теории фиксируют новые форматы распределения общественных ресурсов, все чаще связанные не с рынком, демократией и гегемонией Запада, а с рентными механизмами, дистрибутивным (перераспределительным) политическим регулированием и дифференцированной ценностью для национального государства разных социальных групп⁴⁰.

Представляется, что начавшийся в мире критический пересмотр гегемонии Запада, механизмов рыночной стратификации и значимости демократических процедур легитимации власти не будет революционным. Наблюдаемые сегодня векторы социальных изменений подтверждают общую логику широкого обмена гражданами политической лояльности на социальный статус и обусловленную им гарантированную политическую ренту (что проявляется, в частности, в расширяющихся экспериментах по введению базового безусловного дохода). В условиях радикализации разнообразных неравенств позднемодерные общества потребления демонстрируют парадоксальное отсутствие

массового организованного давления на элиты, которое было характерно для индустриальных обществ труда XX в. Как следствие, закрепленный в социальных институтах, иерархиях и практиках новый рентный консенсус относительно стоимости и механизмов распределения имеющихся в обществе ресурсов (капиталов, прибыли, природных богатств и т.д.) может сохраняться неопределенно долго. На его сохранение работает несколько факторов. Во-первых, это распад экономических макрокласов на местные сообщества, меньшинства, сословия, чья политическая тактика заключается скорее в локальном ресентименте, стремлении добиться исключительных привилегий за счет остальных групп общества, нежели в попытках восстановить стремительно уходящие в прошлое принципы эгалитарности в интересах большинства. Во-вторых, сегрегация и замыкание жизненной повестки внутри малых социальных групп и сообществ, чьим представителям все труднее предъявлять претензии статусным группам элит, с которыми они все реже пересекаются в едином публичном, информационном, географическом и иных пространствах повседневности, образуя параллельные миры. В-третьих, превращение складывающегося рентного социального порядка и его ценностных оснований в нечто привычное для молодых поколений⁴¹, что снижает их склонность к коллективному действию в целях изменения базовых принципов этого порядка, подталкивая к выбору стратегии индивидуальной лояльности и адаптации к нему, поиска персональных зон комфорта и локусов эффективности.

⁴¹ Твенге 2019.

Библиография

- Амин С. (2007) *Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира*. М.: Европа.
- Бьюкенен П. (2003) *Смерть Запада*. М.: АСТ.
- Валлерстайн И. (2004) «Буржуа(зия): понятие и реальность с XI по XXI век» // Балибар Э. и И.Валлерстайн. *Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности*. М.: Логос: 160—181. URL: http://hegel.narod.ru/knigi/race_nat.pdf (проверено 30.08.2021).
- Валлерстайн И. (2016) *Мир-система Модерна. Т. IV: Триумф центристского либерализма, 1789—1914*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Верников А.В. (2020). «„Институциональная ловушка“: научный термин или красивая метафора?» // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 12, № 2: 25—37. URL: https://www.researchgate.net/publication/342424939_Institutionalnaa_lovuska_naucznyj_termin_ili_krasivaa_metafora_Journal_of_Institutional_Studies_2020_12_2_25-37 (проверено 30.08.2021).
- Голдстоун Дж. (2017) *Революции: Очень краткое введение*. М.: Изд-во Института Гайдара. URL: <http://dontsov-nic.com.ua/wp-content/uploads/2018/02/Holdstoun-D.-Revoljutsyy.-Ochen-kratkoe-vvedenye.-2015.pdf> (проверено 30.08.2021).

Господарик Е.Г. (2020) *Перспектива ЕАЭС — модель инновационного рывка*. Минск: Издательский центр БГУ.

Иноземцев В. (2019) «Обещанного сорок лет ждут. Почему радужные обещания власти в принципе невыполнимы» // *Сноб*, 16.12. URL: <https://snob.ru/entry/186342/> (проверено 30.06.2021).

Капелюшников Р.И. (2017) «Технологический прогресс — пожирает рабочих мест?» // *Вопросы экономики*, № 11: 111—140.

Капустин Б.Г. (2012) «Изменяющиеся связи между капитализмом и демократией (в России и мире)» // *Логос*, № 4: 36—70. URL: https://intelros.ru/pdf/logos/2012_04/2.pdf (проверено 30.06.2021).

Караганов С.А. (2019) «Предсказуемое будущее?» // *Россия в глобальной политике*, № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee/> (проверено 30.06.2021).

Каспэ С.И. (2007) *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М.: Московская школа политических исследований.

Кордонский С.Г. (2008) *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Коуз Р. (2007) *Фирма, рынок и право*. М.: Новое издательство. URL: <http://pavroz.ru/files/coasefirme.pdf> (проверено 30.08.2021).

Кругман П. (2009) *Кредо либерала*. М.: Европа.

Мартьянов В.С. (2003) *Метаязык политической науки*. Екатеринбург: УрО РАН. URL: <https://www.ifp.uran.ru/files/bibl/Martjanov/Metajasyk/Text.pdf> (проверено 30.06.2021).

Мартьянов В.С. (2010) «Политический Модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие» // *Полития*, № 3—4 (58—59): 54—65. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Martyanov-2010-3-4.pdf (проверено 30.06.2021).

Маццукато М. (2021) «Предпринимательское государство: разведем мифы о государстве и частном секторе» // *Экономическая социология*, т. 22, № 2: 26—41.

Миланович Б. (2017) *Глобальное неравенство: Новый подход для эпохи глобализации*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Миллс Р. (2007) *Властвующая элита*. М.: Директмедиа Паблшинг.

Мэддисон Э. (2012) *Контуры мировой экономики в 1—2030 гг.: Очерки по макроэкономической истории*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Нуреев Р. и Ю.Латов. (2006) «Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты» // *Историки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. Вып. 6. М.: ГУ ВШЭ: 228—255. URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/281.pdf> (проверено 28.08.2021).

Пикетти Т. (2015) *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Твенге Д. (2019) *Поколение I: Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни*. М.: РИПОЛ классик.

Урбинати Н. (2016) *Искаженная демократия: Мнение, истина и народ*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Фишман Л.Г. (2016) «Закат „общества труда“: современная идеологическая констелляция» // *Полития*, № 3 (82): 116—129. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_06.pdf (проверено 28.08.2021).

Фишман Л.Г. (2021) «Достойный гегемон „испорченного“ мира» // *Россия в глобальной политике*, № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dostojnyj-gegemon-mira/> (проверено 15.07.2021).

Фишман Л.Г., В.С.Мартьянов и Д.А.Давыдов. (2019). *Рентное общество: В тени труда, капитала и демократии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Чанг Х.-Дж. (2015) *Как устроена экономика*. М.: Манн, Иванов и Фербер. URL: <https://lib.andoz.tj/users/agzbnmg/book/BookFile/713dc5e3-8e4d-4421-b52d-5082506aea23.pdf> (проверено 30.08.2021).

Чанг Х.-Дж. (2018) *Злые самаритяне: Миф о свободной торговле и тайная история капитализма*. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Шапиро И. (2011) *Бегство от реальности в гуманитарных науках*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Burawoy M. (2001) «Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism» // *East European Politics and Societies*, vol. 15, no. 2: 269—290.

Cowen T. (2011) *The Great Stagnation: How America Ate All the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will (Eventually) Feel Better*. New York: Dutton.

Doucouliagos H. and M.A.Ulubaşoğlu. (2008) «Democracy and Economic Growth: a Meta-Analysis» // *American Journal of Political Science*, vol. 52, no. 1: 61—83.

Hanson S. (2017) «The Evolution of Regimes: What Can Twenty-five Years of Post-Soviet Change Teach Us?» // *Perspectives on Politics*, vol. 15, no. 2: 328—341.

Huang Ch.-J. and Y.-H. Ho. (2017) «Governance and Economic Growth in Asia» // *The North American Journal of Economics and Finance*, vol. 39(C): 260—272.

Novokmet F., T.Piketty, and G.Zucman. (2017) *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905—2016*. NBER Working Paper. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf> (accessed on 30.06.2021).

Przeworski A., M.Alvarez, J.Cheibub, and F.Limongi. (2000) «Political Regimes and Economic Growth» // Przeworski A., M.Alvarez, J.Cheibub, and F.Limongi. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950—1990*. Cambridge: Cambridge University Press: 142—186.

Skidelsky R. (2019) «The Fall of the Economists' Empire» // *Project Syndicate*, 22.07. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/western-power-underpinned-universalism-of-economics-by-robert-skidelsky-2019-07> (accessed on 30.06.2021).

πολιτικά

V.S.Martianov, V.N.Rudenko

THE MAGIC OF THE WHITE PROGRESSOR: FROM GLOBAL CARGO CULT TO A NEW POLITICAL NORMALITY

Victor S. Martianov — Ph.D. in Political Science; Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: martianovy@rambler.ru.

Victor N. Rudenko — Doctor of Law; Full Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: rudenkovn@yandex.ru.

Abstract. The value and institutional core, which legitimized the historical rise and global domination of the West, is increasingly becoming the object of criticism. The initial coordinates of the liberal consensus, which promised humanity a constant rise in the living standards and opportunities thanks to the universality of the models of self-regulating markets and liberal democracies, find themselves under a revision. The background global trends, including those that unfolded in the Western societies, demonstrate the opposite — stagnation or shrinking of the resource base of the majority of the population against the background of the radicalization of economic inequality, corporate game that includes “shorting” the cost of labor (global uberization), the formation of elite democracies with limited access that ignore the principles of equality and interests of the majority. As a result, values, practices and institutions that were previously viewed as pathological deviations, institutional traps and something archaic (backwardness), consistently transform into a new global normality. Thus, theories that describe the contours of the global future mainly in non-market, and sometimes in illiberal categories, are gaining momentum. These theories document new formats for the distribution of public resources, which are not based on markets and democracy, but rather on rent mechanisms, redistributive political regulation and differentiated value for the state of different social groups.

The authors argue that, from the economic standpoint, the emerging new normality is associated with the unfolding consensus that citizens are entitled to the basic political rent or other forms of differentiated access to resources that can provide them with decent existence in the face of the growing inefficiency of market communications. From the political standpoint, the new normality manifests itself in the potential communitarian turn, based on a set of left-wing, nationalist and populist discourses, united by the resentment idea of returning to the state (which distributes

resources) a key role in regulating radical inequalities in the interests of the majority.

Keywords: mainstream, West, democracy, market, new normality, inequality, universal basic income

References

- Amin S. (2007) *Virus liberalizma: permanentnaja vojna i amerikanzatsija mira* [The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Buchanan P. (2003) *Smert' Zapada* [The Death of the West]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Burawoy M. (2001) "Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism" // *East European Politics and Societies*, vol. 15, no. 2: 269–290.
- Chang H.-J. (2015) *Kak ustroena ekonomika* [Economics: The User's Guide]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. URL: <https://lib.andoz.tj/users/agzbnmg/book/BookFile/713dc5e3-8e4d-4421-b52d-5082506aea23.pdf> (accessed on 30.08.2021). (In Russ.)
- Chang H.-J. (2018) *Zlye samaritjane: Mif o svobodnoj trgovle i tajnaja istorija kapitalizma* [Bad Samaritans: The Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
- Coase R. (2007) *Firma, rynek i pravo* [The Firm, the Market and the Law]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. URL: <http://pavroz.ru/files/coasefirme.pdf> (accessed on 30.08.2021). (In Russ.)
- Cowen T. (2011) *The Great Stagnation: How America Ate All the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will (Eventually) Feel Better*. New York: Dutton.
- Doucouliafos H. and M.A.Ulubaşoğlu. (2008) "Democracy and Economic Growth: a Meta-Analysis" // *American Journal of Political Science*, vol. 52, no. 1: 61–83.
- Fishman L.G. (2016) "Zakat „obshchestva truda“: sovremennaja ideologicheskaja konstelljatsija" [Decline of "Work Society": Current Ideological Constellation] // *Politeia*, no. 3 (82): 116–129. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_06.pdf (accessed on 28.08.2021). (In Russ.)
- Fishman L.G. (2021) "Dostojnyj gegemon „isporchennogo“ mira" [Worthy Hegemon of the "Tainted" World] // *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], no. 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dostojnyj-gegemon-mira/> (accessed on 15.07.2021). (In Russ.)
- Fishman L.G., V.S.Martianov, and D.A.Davydov. (2019) *Rentnoe obshchestvo: V teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej Shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Goldstone J.A. (2017) *Revoljutsii: Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions: A Very Short Introduction]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. URL:

<http://dontsov-nic.com.ua/wp-content/uploads/2018/02/Holdstoun-D.-Revolyutsyy.-Ochen-kratkoe-vvedeniye.-2015.pdf> (accessed on 30.08.2021). (In Russ.)

Gospodarik E.G. (2020) *Perspektiva EAES — model' innovatsionnogo ryvka* [Perspective of the EAEU — the Model of an Innovative Breakthrough]. Minsk: Izdatel'skij tsentr BGU. (In Russ.)

Hanson S. (2017) “The Evolution of Regimes: What Can Twenty-five Years of Post-Soviet Change Teach Us?” // *Perspectives on Politics*, vol. 15, no. 2: 328—341.

Huang Ch.-J. and Y.-H.Ho. (2017) “Governance and Economic Growth in Asia” // *The North American Journal of Economics and Finance*, vol. 39(C): 260—272.

Inozemtsev V. (2019) “Obeshchannogo sorok let zhdut. Pochemu razduzhnye obeshchaniya vlasti v printsipe nevypolnimy” [One Has to Wait for Forty Years for What Is Promised. Why Are the Rosy Promises of the Authorities in Principle Impossible to Fulfill] // *Snob*, 16.12. URL: <https://snob.ru/entry/186342/> (accessed on 30.06.2021). (In Russ.)

Kapeliushnikov R.I. (2017) “Tekhnologicheskij progress — pozhiratel' rabochikh mest?” [Is Technological Change a Devourer of Jobs?] // *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], no. 11: 111—140. (In Russ.)

Kapustin B.G. (2012) “Izmenjajushchiesja svyazi mezhdu kapitalizmom i demokratiej (v Rossii i mire)” [Changing Links between Capitalism and Democracy (in Russia and in the World)] // *Logos*, no. 4: 36—70. URL: https://intelros.ru/pdf/logos/2012_04/2.pdf (accessed on 30.06.2021). (In Russ.)

Karaganov S.A. (2019) “Predskazuemoe budushchee?” [A Predictable Future?] // *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], no. 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee/> (accessed on 30.06.2021). (In Russ.)

Kaspe S.I. (2007) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaja forma* [Centers and Hierarchies: The Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2008) *Soslovnaja struktura postsovetsoj Rossii* [Estate Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”. (In Russ.)

Krugman P. (2009) *Kredo liberala* [The Conscience of a Liberal]. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Maddison A. (2012) *Kontury mirovoj ekonomiki v 1—2030 gg.: Ocherki po makroekonomicheskoj istorii* [Contours of the World Economy 1—2030 AD: Essays in Macro-Economic History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Martianov V.S. (2003) *Metajazyk politicheskoy nauki* [Metalanguage of Political Science]. Ekaterinburg: UrO RAN. URL: <https://www.ifp.uran.ru/files/bibl/Martjanov/Metajasyk/Text.pdf> (accessed on 30.06.2021). (In Russ.)

Martianov V.S. (2010) “Politicheskij Modern za predelami Evropy: tsennostnoe edinstvo i institutsional’noe raznoobrazie” [Political Modernity outside Europe: Axiological Unity and Institutional Variety] // *Politeia*, no. 3–4 (58–59): 54–65. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Martyanov-2010-3-4.pdf (accessed on 30.06.2021). (In Russ.)

Mazzucato M. (2021) “Predprinimatel’skoe gosudarstvo: razveem mify o gosudarstve i chastnom sektore” [The Entrepreneurial State: Debunking Public vs Private Sector Myths (An Excerpt)] // *Ekonomicheskaja sotsiologija* [Journal of Economic Sociology], vol. 22, no. 2: 26–41. (In Russ.)

Milanović B. (2017) *Global’noe neravenstvo: Novyj podkhod dlja epokhi globalizatsii* [Global Inequality]. Moscow: Iz-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Mills W. (2007) *Vlastvujushchaja elita* [The Power Elite]. Moscow: Direktmedia Publishing. (In Russ.)

Novokmet F., T.Piketty, and G.Zucman. (2017) *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016*. NBER Working Paper. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf> (accessed on 30.06.2021).

Nureev R. and Yu.Latov. (2006) “Chto takoe zavisimost’ ot predshestvujushchego razvitiya i kak ee izuchajut rossijskie ekonomisty” [What Is Path Dependence, and How It Is Studied by Russian Economists] // *Istoki: iz opyta izuchenija ekonomiki kak struktury i protsessa* [Origins: From the Experience of Studying Economics as a Structure and Process]. Issue 6. Moscow: GU VShE: 228–255. URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/281.pdf> (accessed on 28.08.2021). (In Russ.)

Piketty Th. (2015) *Kapital v 21 veke* [Le capital au XXIe siècle]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Przeworski A., M.Alvarez, J.Cheibub, and F.Limongi. (2000) “Political Regimes and Economic Growth” // Przeworski A., M.Alvarez, J.Cheibub, and F.Limongi. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press: 142–186.

Shapiro I. (2011) *Begstvo ot real’nosti v gumanitarnykh naukakh* [The Flight from Reality in the Human Sciences]. Moscow: Izdatel’skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Skidelsky R. (2019) “The Fall of the Economists’ Empire” // *Project Syndicate*, 22.07. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/western-power-underpinned-universalism-of-economics-by-robert-skidelsky-2019-07> (accessed on 30.06.2021).

Twenge J.M. (2019) *Pokolenie I: Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskij dukh, stalo bolee tolerantnym, menee shchastlivym — i absolutno ne gotovym ko vzrosloy zhizni* [iGen: Why Today’s Super-Connected Kids Are Growing up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood]. Moscow: RIPOL klassik. (In Russ.)

Urbinati N. (2016) *Iskazhennaja demokratija: Mnenie, istina i narod* [Democracy Disfigured: Opinion, Truth and the People]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Vernikov A.V. (2020) “„Institutsional’naja lovushka“: nauchnyj termin ili krasivaja metafora?” [How Much Substance Is There Behind the Concept “Institutional Trap”?] // *Journal of Institutional Studies*, vol. 12, no. 2: 25–37. URL: https://www.researchgate.net/publication/342424939_Institucionalnaa_lovushka_nauchnyj_termin_ili_krasivaa_metafora_Journal_of_Institutional_Studies_2020_12_2_25-37 (accessed on 30.08.2021). (In Russ.)

Wallerstein I. (2004) “Burzhua(zija): ponjatje i real’nost’ s 11 po 21 vek” [La bourgeoisie: concept et réalité du xie au xxie siècle] // Balibar E. and I.Wallerstein. *Rasa, natsija, klass: Dvusmyslennye identichnosti* [Race, nation, classe: Les identites ambiguës]. Moscow: Logos: 160–181. URL: http://hegel.narod.ru/knigi/race_nat.pdf (accessed on 30.08.2021). (In Russ.)

Wallerstein I. (2016) *Mir-sistema Moderna. T. IV: Triumf tsentrist-skogo liberalizma, 1789–1914* [The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914]. Moscow: Russkij fond sođejstvija obrazovaniju i nauke. (In Russ.)